

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР

Каждая жизнь – история, тем более – жизнь семьи. История жизни семьи Колеровых переплелась с историей Самарской губернии.

Константин Васильевич Колеров с женой Марией Петровной и годовалой дочерью Klarой переехал в Самару в 1932 г. и вошёл в число уважаемых самарских хлебопеков. Его жена, а впоследствии и дети работали преподавателями в школе и в авиационном институте.

Память о тех, кто одержал Победу

Самарские хлебопеки в 2011 г. отпраздновали 80-летие своей отрасли¹. Хлебозаводы, как и все объекты промышленности, создавались руками рабочих, экономистов, инженеров. Об одном из них я и хочу рассказать.

Константин Васильевич Колеров, имея стаж работы более восьми лет в Пензенской области, был командирован Крайкомом ВКП (б) в Самарский областной трест Росглавхлеба и назначен на должность замдиректора Треста Хлебопечения в сентябре 1932 г. А 29 октября 1933 г. откомандирован на ликвидацию прорыва и назначен директором Самарского автоматического хлебозавода № 2. Работать приходилось много, но были достигнуты высокие производственные показатели, за что К.В. Колеров неоднократно получал благодарности, премии. Было отмечено хорошее выполнение особого задания по подготовке базы к выпечке хлеба в связи с отменой карточной системы в 1935 г. 25 мая 1937 г. Константину Васильевичу была выражена благодарность замнаркома Пищепром СССР товарищем Бадаевым.

Творчески и увлеченно работал К.В. Колеров в должности директора хлебозавода № 2, проводил реконструкцию завода, предприятие расширяло ассортимент выпускаемой продукции, при заводе был построен бисквитно-пряничный цех. Константин Васильевич не только много работал, но и постоянно учился, повышал свое образование. Поэтому в 1936 г. поступил и в 1940 г. окончил полный курс заочного отделения Всесоюзной академии пищевой промышленности имени И.В. Сталина по специальности технологии хлебопекарного производства и решением государственной экзаменационной комиссии от 14 июня 1940 г. ему присвоена квалификация инженера-технолога хлебопекарной промышленности. Сдал он все экзамены на «отлично» и «хорошо», выполнил дипломный проект «Реконструкция Куйбышевского хлебозавода № 2 (автомат) с двумя печами АЦХ» и защитил его в ГЭК на «хорошо». Как инженер участвовал в ее проектировании и строительстве.

Таким образом К.В. Колеров прошел трудный путь советского рабоче-крестьянского интеллигента. А ведь к 1940 г. ему исполнилось 36 лет, его дочь Клара окончила первый класс школы, а сыну Олегу было 3 года.



Константин Васильевич Колеров

Хлебозавод № 2 обладал уникальным для того времени оборудованием, на нем была внедрена передовая технология производства, продукция выпускалась самого высокого качества. «Душой завода остается и ныне действующая печь АЦХ-72 кирпичной кладки. Наверное, в России таких печей больше не осталось», - рассказала в 2010 г. начальник ПТЛ Вера Червожжина корреспонденту АиФ Андрею Птицыну².

На хлебозаводе работало (и сейчас работает) много женщин. Чтобы облегчить им быт, помочь в воспитании детей по инициативе директора К.В. Колерова был построен детский сад, который и ныне действует (он находится рядом с заводом и парком имени Н.Щорса).

Работники хлебозавода уважали и любили своего директора, о чем говорит подаренная ему в 1935 г. грамота с рисунком завода того периода и подписями руководящего персонала и работников хлебозавода под текстом: «На память отзывчивому и умелому руководителю дорогому товарищу директору хлебозавода № 2 Колерову К.В.».

Сотрудники видели безусловную заслугу человека перед Родиной и народом. Завод развивался, расширялся, процветал. К.В. Колеров оставался директором хлебозавода № 2 до 16 марта 1938 г., затем был отозван в распоряжение Треста Росглахлеб на должность заместителя управляющего Трестом. Завод № 2 всегда был в поле внимания К.В. Колерова, и в дни успешной работы, и в трудные часы, когда случались аварии в печах.



Грамота «дороговому товарищу директору хлебозавода № 2 Колерову К.В.». 1935 г.

В раскаленные неостывшие печи приходилось не раз забираться ему, опытному инженеру, чтобы обнаружить и ликвидировать поломку. По нескольким дням после аварии ему приходилось жить и работать с красным обожженным лицом и руками.

Во время Великой Отечественной войны завод снабжал хлебом выросшее за счет эвакуированных

население города и воюющих на фронте защитников Отечества. Чтобы выпускаемую продукцию быстрее доставлять горожанам, в 1943 г. по территории завода была проложена трамвайная ветка, и особые грузовые трамваи доставляли на завод сырье (муку и проч.) и вывозили с территории завода хлебопекарные изделия.

В марте 1945 г. К.В. Колеров был награжден значком «Отличник пищевой промышленности СССР» (удостоверение № 12079 от 22 марта 1945 г), а в июне 1946 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил его медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

Великую победу над фашизмом советский народ одержал благодаря солдатам и офицерам, сражавшимся на фронтах, и благодаря самоотверженным труженикам тыла, одним из которых был К.В. Колеров.

С каким ликованием был встречен День Победы! Улыбающиеся, со слезами на глазах работники треста и хлебозавода № 8 (окна нашего дома выходили во двор хлебозавода № 8) прибежали к нам в дом рано утром 9 мая с сообщением о победе, о конце войны. Сообща составили столы, поставили угощение, которое принесли из дома, кто что смог, и отпраздновали дружно Победу.

На всё сил и оптимизма хватало у сравнительно молодого человека: и на работу, и на учебу, и на семью, и на воспитание детей. Но здоровья оставалось мало, оно заметно ухудшалось. Ещё школьником Константин Васильевич, учась в Кузнецке километрах в 20 от дома в с. Кряжим, возвращаясь домой в зимнюю пургу, занесенный снегом, провел всю ночь в сугробе и замерз. Потеряв слух, он из-за глухоты не был на фронте. Хотя сослуживцы из треста подарили ему один из первых слуховых аппара-

ратов, болезнь прогрессировала. Кроме того, появилось заболевание крови: малокровие, как называли в 50-е болезнь, а теперь лейкемия или рак крови. 17 октября 1959 г. ВТЭК признала К.В. Колерова инвалидом II группы. Он работать уже не мог: часто лежал в больнице и дома, не было сил даже ходить. 4 мая 1962 г. Константин Васильевич умер, не дожив даже до 58 лет. На похороны пришло очень много людей: друзей, сотрудников, сослуживцев.

А семья К.В. Колерова в 1930-80-е годы жила так, как и все советские люди. Я, дочь Константина Васильевича, Клара, родилась 7 марта 1931 г., была очень слабенькой, поэтому маме приходилось много сил и времени отдавать, чтобы поставить меня на ноги. Когда семья в 1932 г. переехала в Самару, мама стала работать учителем начальных классов, через несколько лет поступила учиться в открывшийся в Самаре педагогический институт, после окончания которого работала учителем русского языка и литературы в школе № 12 до ухода на пенсию.

В 30-е гг. в Самаре жилось, как и везде в СССР, трудно: хлеб до 1935 г. продавали по карточкам, богатого ассортимента продуктов в магазинах не было, многое приходилось покупать на рынке. Промтовары на полках магазинов стали только понемногу появляться. Чтобы купить ситчику и фланели для пеленок ожидающемуся в 1937 году малышу, маме приходилось по несколько часов выстаивать в очереди в универмаг. Так жило большинство горожан.



Семья Колеровых. 1933 г.

Читая В. Маяковского, понимаешь, что значит «каплей льешься с массаами» (поэма «Хорошо!», гл. 19), понимаешь, как радовались советские люди успехам промышленности: «Работа любя. Сеют, пекут мне хлеба...

Пыши, машина, шибче-ка, вовек чтоб не смолкла, - побольше ситчика моим комсомолкам» («Хорошо!», гл. 19).

И я помню, как мы с семьей в 1940 г. посетили универмаг на углу Ленинградской и Кооперативной (Молодогвардейской), порадовались тому, что много красивых тканей лежало на полках, что мы могли купить необходимое без всякой очереди.

Папа много работал не только в будни, но и в выходные. В 1939 г. существовали рабочие пятидневки, а на шестой день был выходной. Это отразилось и в дневниках школьников (не помню, когда ввели рабочую неделю, а выходные в воскресенье).

Однажды в выходной день папа пригласил нас (маму, меня и маленького братишку) прогуляться около детского сада и хлебозавода № 2. Рядом с ними было закрытое уже немецкое кладбище. Меня поразила красота местной природы: свежая зелень, кусты сирени и необыкновенные, незнакомые мне кусты жёлтых роз. Изредка встречались гранитные могильные плиты или кресты с надписями на немецком языке. Было тихо, безлюдно. Со временем это всё исчезло. На этом месте появился детский парк имени Щорса.

Иногда, очень редко, мы с семьей ездили отдыхать на правую сторону Волги, на пляж. Население перевозилось на пароме, который привязывался к катерам-буксирам (этот вид переправы появился после войны, в 50-е гг. прошлого века).

А однажды мы поехали на выходной в гости к маминной подруге на Красную Глинку, нам захотелось посмотреть на вновь выстроенную длинную лестницу (около 200 ступеней), ведущую к Волге, рядом с санаторием, белым массивным зданием, виднеющимся и теперь с городского пляжа на зеленом фоне горы). Спускаясь с лестницы, мы услышали знаменитую речь В.М. Молотова, в которой он объявил о начале Великой Отечественной войны. Это было 22 июня 1941 года.

Папа, взволнованный этим грозным сообщением, вернулся, чтобы быстрее дойти автобусной остановки и оттуда добраться до Куйбышева на автобусе или попутной машине. А мы с мамой и братишкой вернулись домой на речном трамвайчике через несколько часов. Так начались трудные военные годы в тыловом городе. Моя семья жила на Ворошиловской, 103, в 14-метровой комнате.

Уже в начале июля 1941 года провожали в армию нашего соседа Санку Зенкова, только недавно, несколько недель назад окончившего школу. Он дружил с Леночкой Скальской, с соседкой, его ровесницей. И вот мы с ней, Леночкой, взявшись за руки, пошли на железнодорожный переезд в сторону вокзала, подныривали под товарные вагоны, переходя через рельсы, чтобы добраться до поезда и вагона, в котором отправляли на фронт Сана. Простились.

Через несколько недель в доме появились мать, жена военнослужащего, с маленьким (2-х или 3-х лет) сыном, они бежали из Бреста, ничего из вещей не успев взять. Соседи помогли им, собрав кое-что из одежды и постельного белья. Скоро им военкомат помог получить комнату и устроить на работу мать, и они уехали из нашего дома.

Зимой в трехдневный срок выселили соседей Скальских (они были в 1935 году высланы из Ленинграда после убийства С.М. Кирова, за эту же «вину» их выселили из Куйбышева в Новосибирск). Простились с хорошими людьми: доктором Аполлоном Климентовичем, его женой Надеждой Васильевной, рентгенологом поликлиники № 1, и дочерьми Еленой и Ольгой, студентками 1 курса мединститута.

В их квартиру вселились эвакуированные из Москвы. Всё труднее и труднее было обеспечить семью продуктами и другим необходимым. Папа и мама работали. Мне, десятилетней девочке, приходилось ходить на рынок (на Ильинку, на Красноармейской ул. и Бр. Коростелевых, напротив чельшевского дома) покупать молоко (в семье находился четырехлетний братишка Олег, стоять в очереди за керосином, ведь готовили пищу на примусах и керосинках).

Летом 1942 года у меня изнашивалась обувь, и мне родители купили две пары босоножек на деревянной подошве с матерчатым верхом. Так многие были обуты. Осенью я заболела scarlatinой, и меня отвезли в инфекционную больницу на Ярмарочной улице. В палате было очень много коек, дети почти все были моложе меня. Однажды ночью объявили воздушную тревогу, вошли в палату сестры и нянечки и велели быстро собираться. Я, как старшая, оделась сама и одела плачущего трехлетнего мальчика Женю, взяла его за руку, и дети построились парами, чтобы идти в убежище, в подвал. Но пока мы собирались и строились, объявили отбой, и больные дети остались в палате, где ещё долго плакали малыши. Действительно, всем было очень страшно.

А летом было ещё две тревоги: одна ночью, одна днем. Днем дома были мы с братишкой. Когда начали стрелять зенитки, с шумом и визгом падать на крыши осколки, братишка забрался ко мне на руки и, крепко вцепившись в шею, плакал во весь голос. К концу тревоги прибежала с работы мама, и братишка во весь голос приговаривал: «Увези меня от этого Гитлера куда-нибудь, здесь страшно!»

В 1942 году стало тяжело с продуктами. И мама однажды с подругой уехала на электричке в соседние села менять одежду на пшено, овощи, картошку и проч. Во время войны дети ухитрялись у кого-то доставать колбу (жмых подсолнечный) и лакомиться этими твердыми, как камень, кусочками. Весной 1942 г. некоторые жители отправлялись на поля собирать замерзшие колоски проса, чтобы из них варить кашу. Некоторые попадали в больницу с отравлением этой кашей, некоторые даже умирали. В моем классе одна девочка ходила

с распухшими руками и ногами от такой пищи.

В середине и конце войны куйбышевским школьникам стали выдавать маленькие (50 г) булочки на завтраки. Они были не белые, а серые. Но все их с аппетитом съедали. В 1942 г. горожанам стали выдавать земельные участки для огородов, поэтому с осени стали жить сытнее. У нас в семье был огород на обкомовской (паромы ходили вниз по Волге до этих огородов, мы там выращивали и привозили домой помидоры и капусту) где-то на 7-й просеке, в сад-совхозе (там мы выращивали горох, картошку, а папа даже сажал табак, сушил его, делал самокрутки из газет и курил). Зимой сушили в голландках тыкву, называли ее курагой, сахарную свёклу, морковь и пили с ними чай. В семье постоянно или на зиму готовили капусту, винегрет, так что после войны я лет десять не хотела есть винегрет. Горожане не стали так жестоко голодать, как в первый год войны, но толстых с лишним весом людей не было, вкусных яств не было тоже.

Однажды мы с братишкой сидели на полу у открытой дверцы голландки, наслаждаясь теплом и красотой пламени. Неожиданно вошла соседка, тетя Нина Мещерякова, и принесла нам в подарок немного рисовой молочной каши в чайном блюдце. Мы с наслаждением ели, взяв чайные ложечки. Когда осталось совсем немного каши на дне блюдца, братишка с огорчением сказал: «Какая вкусная каша, только ее очень мало». Мне пришлось отложить в сторону свою ложечку, чтобы младшему хоть немного продлить «удовольствие».

В городе заботились о детях, на новогодних каникулах проводили елки, на которые через родителей детям давали пригласительные билеты с талонами на подарки, в которых были печенья, конфеты, орехи и мандарины. С радостью получали дети праздничные кулечки. Устраивали праздничный концерт.

Я помню несколько таких елок в клубе имени Дзержинского. Дедом Морозом выступал известный артист Ярин с веселой и оптимистичной чашушкой:

С Новым годом! С Новым годом!

Новый год идёт в поход!

Для фашистов он могила,

А для нас – Победы год!

Жители Куйбышева в помощь фронтовикам, раненым, находящимся на лечении в госпиталях, собирали деньги, посылки с подарками: вязаными шерстяными носками и варежками, с вышитыми кисетами, наполненными махоркой, с пачками папирос.

Я тоже вышивала кисеты и отправляла на фронт. Однажды получила треугольничек-письмо от бойца Павла с благодарностью за подарок. С гордостью и радостью читала его девочкам из класса, жалко, что не сумела сохранить его. Помню, что однажды, получив газету «Волжская коммуна», я прочитала статью о наступлении наших войск под Москвой и освобождении от захватчиков-фашистов города Клин. Вечером пришедших с работы родителей спросила, не опечатка ли это: «Клин» вместо «Калинин». Папа

мне объяснил, что всё правильно, и чтобы я следила за событиями на фронте, прикрепил на стену карту СССР, на которой иголочками с красными флажками мы отмечали линию фронта.

Я уже рассказала о том, как в семье встретили День Победы – 9 мая 1945 года. Отметив праздник дома, многие самарцы пошли на свою любимую центральную площадь им. Куйбышева. Несмотря на то что несколько раз принимался лить дождь, радостные люди пели песни под баян или аккордеон, танцевали, обнимали друг друга и поздравляли с Победой. Сколько было радости, сколько слёз! Далеко не все вернулись с кровавых военных полей. Жизнь продолжалась.

И после войны люди много работали: приходилось помогать восстанавливать разрушенные войной села и города, преобразовать и наш город. Подросли дети войны, учились в школах, техникумах, институтах.

Я окончила педагогический институт, работала учительницей 6 лет в поселке Шлюзовой, мой муж строил шлюзы на Волжской ГЭС им. Ленина, потом трудились в Самаре.

Я 42 года работала учительницей русского языка и литературы в различных школах города. Сколько школьников благодаря труду моему и моих коллег овладели основами русского языка, познали и полюбили русскую литературу и пошли дальше учиться в техникумы и институты, пополнив со временем ряд интеллигенции, и стали работать, способствуя процветанию нашей страны, нашей губернии.

Мой брат Олег Константинович Колеров окончил школу № 12 с серебряной медалью, поступил в Ленинградский политехнический институт и окончил его в 1960 г. Несколько лет он работал инженером на Куйбышевском кабельном заводе, затем окончил аспирантуру в авиационном институте, получил ученую степень кандидата технических наук в 1972 г., ему было присвоено ученое звание доцента по кафедре технологии металлов и авиаматериаловедения в 1981 г. Он имел более десятка авторских свидетельств на изобретение, получил медаль Почетного работника КуАИ СГАУ.

Папа не дождался успехов в научной деятельности сына, т.к. рано умер, в 1962 году. Но он наверняка гордился бы своим любимым сыном.

Олег Константинович Колеров скончался 15 марта 2011 г., оставив о себе добрую память у студентов и преподавателей КуАИ СГАУ, у всех, кто знал его.

Я рассказала о жизни и судьбе одной семьи Колеровых, которая скромно жила и самоотверженно работала на благо своей Родины, своей родной Самарской губернии. Думаю, что своей жизнью и деятельностью Колеровы заслужили добрую память.

Примечания:

¹ Андрей Птицын. «Вкус настоящего хлеба» // *АиФ*, № 50, 2010.

² Там же.